

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата философских наук Суркова Ивана Евгеньевича
на тему: «Онтология прп. Максима Исповедника»
по специальности 5.7.2. История философии

Тема, выбранная Иваном Евгеньевичем для диссертационного исследования, представляется несомненно актуальной. Наследие прп. Максима Исповедника лишь в последнее время стало предметом всестороннего изучения и этот процесс пока далек от завершения, в то время как значение его наследия в европейской мысли сложно переоценить. Его влияние не ограничивается лишь византийской традицией; перевод его трудов на латинский язык делает его автором общеевропейского масштаба. Вместе с тем, хотя его богословское мировидение внутренне очень целостно, этого нельзя сказать о его наследии — среди которых почти нет целостных структурных трактатов, а основное содержание его мысли часто заключено в форму комментариев и схолий к текстам других авторов, вопросах или сентенциях. Отдельно следует указать на сложную рукописную традицию его текстов, в связи с чем критические издания и переводы основных его текстов появились лишь в недавнее время, и этот процесс до сих пор не завершен.

Это делает работу по систематизации его взглядов насущной исследовательской проблемой, а выбранный исследователем ракурс выглядит весьма удачным, поскольку он анализирует, систематизирует и включает в релевантный контекст аспект, который, хотя и не был центральным предметом рефлексии преподобного, является базовым для всей его мысли — онтологию.

Специфика мысли прп. Максима действительно заключается в том, что разные аспекты своего богословия: и тонкие нюансы христологии и антропологии, и учение о Таинствах и т.д., — он фундирует в целостном представлении о сущем, его видах и базовых принципах их взаимодействия. Таким образом, представленная диссертация попадает в значимый нерв мысли

прп. Максима и, надеюсь, послужит основанием для ее дальнейших продуктивных исследований.

Положения, выносимые на защиту, представляются удачно отражающими результаты работы, структура работы представляется релевантной рассматриваемой теме. Чтобы не умножать заслуженные общие похвалы работе и не пересказывать ее содержание, перейду к откликам на ряд конкретных элементов работы, среди которых хотелось бы выделить как удачные, так и дискуссионные.

1. Структура

Удачным ходом представляется вынесение анализа античной традиции в начало и конец исследования, когда первая глава дает общий концептуально-терминологический контекст, а четвертая представляет собой содержательное соотнесение онтологий ключевых авторов.

Однако в частностях можно обратить внимание на отдельные несостыковки. Так, раздел 1.2, посвященный истории ключевых терминов до прп. Максима, оставляет впечатление «рваного».

Кажется, что именно здесь могло бы больше внимания быть уделено Немесию, крайне значимому автору для прп. Максима в смысле источника терминологии, что отмечает, но не раскрывает ни здесь, ни ниже в диссертации автор.

В пассаже про Ареопагита заявлены, но почти не раскрыты ни отличия, ни единство с платонической традицией (с. 34–36)

В заключении раздела говорится, что «концепт природного действия приобретает особое значение» (с. 38), однако в самом разделе о нем указано лишь то, что оно начинает использоваться Кириллом Александрийским (с. 34).

2. Логосы

Весьма удачным представляется последовательный¹ перевод понятия ἐνέργεια как «действие», а не «энергия» (см. сноску 44), однако возникает

¹ Впрочем, иногда автор не следует этому принципу, что создает дополнительные неясности: «античная идея энергии приобретает у него новый, богословски насыщенный

вопрос, почему такая же процедура, позволю сказать, «расколдовывания» не была произведена с понятием логоса? Само понятие никак не комментируется при его первом введении или подробном рассмотрении (п. 2.2.) и используется как самоочевидное, в том числе и в странном стилистическом сочетании «анализа логосов» (с. 89), когда речь явно идет об анализе концепции логосов. Что глубоко ошибочно, потому что концепт «логос» и «концепция логосов» никак не принадлежат прп. Максиму (осознаю провокативность высказывания), а относятся к интерпретаторам, поскольку византийский автор использовал *регулярное философско-богословское понятие*, а не *кальку иностранного слова в своей речи*.

Это различие видится значимым, поскольку, как и с понятием «энергия» в качестве аналога для ἐνέργεια, введение концепта «логос», с одной стороны, эвристично и полезно при анализе его наследия современным исследователем, с другой — его «расколдовывание» может быть весьма значимым для приближения к мысли преподобного. Лишь на с. 149 И. Е. проговаривает уточнение «*посредством логосов, собственных мыслей-волений*» (курсив мой — д.Н.А.). Конечно, проблеме понятия ‘λόγος’ у прп. Максима можно было бы посвятить отдельную диссертацию, однако отсутствие хотя бы указания на эту проблему, и следующей отсюда нюансировки выводов, при общей внимательности автора к своему исследовательскому аппарату, кажется упущением.

Вызывает некоторое сомнение различие двух компонентов (на с. 96) в «учении Максима о посредничестве между Первоначалом и миром» — «приобщение к Божественным действиям» и «Инкарнационное богословие Логоса». Это различие необходимо — однако статус его не до конца понятен; соединение пассажей про соотношение, с одной стороны, с действиями, с другой стороны — с ипостасью Логоса без итогового вывода кажется

смысл» (с. 61). Какова античная идея энергии и в чем богословскость смысла до конца понять не удастся.

недостаточным, а указание на то, что это уже христология, а не онтология (с. 98) уходом от значимой для исследования проблемы. Понимание замыслов Бога о вещах и творения мира как аспекта христологии — довольно смелый шаг с точки зрения традиционного богословия. На стр. 93 автор приводит довольно много мнений исследователей на тему, но хорошо бы отразить проблематичность этой мысли на материале источников. Автор ссылается на Хайде: «Таким образом, они находятся ни в божественной οὐσία, ни в нетварных энергиях, но во Второй Ипостаси Троичного Бога – и даже более того: они и являются этой Ипостасью». Но это, кажется, еще больше запутывает ситуацию, поскольку ипостась — это не какая-то иная реальность помимо сущности. Быть в ипостаси, не будучи принадлежностью сущности, можно только если это ипостасная особенность. Но ипостасная особенность Второй ипостаси — быть Сыном.

Вопрос вызывают и отдельные формулировки. Почему это богословие «инкарнационное»? Краткое приведение позиции Хайде без ее верификации на источниках не видится достаточным. Что значит «личностное и смысловое» присутствие в каждом сущем? Почему это богословие «восходит к Оригену» именно, в противопоставленность Каппадокийцам? Точно ли фраза свт. Григория Богослова «Божие Слово и здесь и там распределяет все, чему положено в Его совете быть на небесах и на земле» (сarm. 1. 1. 5. 35-36) не про это же, если не полностью, то в основном своем направлении?

Особенно обидно, что этот пассаж (с. 95-98) написан исключительно на исследовательской литературе, и таким образом действительно оценить эвристичность понятия «инкарнационной метафизики» и предложенных различий до конца не удастся.

Также сферой для дальнейшего развития темы является выявление связи логосов (и действий Бога) с Промыслом; отсылка к классической работе Г. И. Беневича (с. 87) кажется недостаточной, поскольку эта сфера прямо входит в рассматриваемый автором вопрос АТН.

Помимо этого хотелось бы задать вопрос о соотношении логосов Максима с идеями Платона и генадами Прокла (напрашивающийся на с. 200).

3. Единое

На с. 86 говорится, что «Максим использует не очень характерную для себя терминологию, называя Бога, в подчеркнуто неоплатоническом духе, Единым», что удивляет в связи с «легитимацией» этого понятия в DN Ареопагитом.

4. ἰδιώματα

Кажется неудачным перевод термина ἰδιώματα как «особенности» (2.1.3.2. «Божественные особенности» (θεῖα ἰδιώματα), с. 81 и ниже). В данном случае традиционный для богословия перевод «свойства» был бы значительно корректнее с точки зрения значения этих русских слов, тем более что автор сам дальше говорит о «качествах» (с. 81).

5. σχέσις

В разделе, посвященном этому понятию, чувствуется не проговоренная И.Е. не проговоренная прямо полемическая направленность, например, в пассаже:

«По Аристотелю... сущность превалирует над отношением; для Максима это тоже так: πρὸς τι или σχέσις по-прежнему обозначают отношения конкретных сущностей, которые сначала существуют и только потом вступают в отношения» (с. 163).

В то же время, приведенный потрясающий своим масштабом в текст фрагмент Myst. I. 129–151, требовал бы большего авторского комментария, анализа полемической ситуации в историографии и, в идеале, постановки, если не решения вопроса о статусе бытия (Божественных и тварных сущностей и действий, а также отношений) в эсхатоне. Именно после этого заявленное «напряжение» между языком античной философии и христианским благовестием (с. 162) могло бы быть показано со всей убедительностью, что могло бы быть значимым вкладом в разрабатываемую проблематику.

6. χάσμα

Дважды в тексте встречается уточнение пропасти между трансцендентным и имманентным греческим словом χάσμα (с. 4, 193) без указания на источник. Использует ли это слово в таком смысле прп. Максим? Дело в том, что это платоновское слово, которое напр. Дионисий Ареопагит использует в ином смысле (См. Петров В. В. Ареопагитский корпус как интертекстуальный проект // Философский журнал. Т. 8. 2015. С. 66–67), точно ли это понятие указывает именно на пропасть, пролегающую «между Творцом и творением» (с. 4)?

7. ex deo

Не хватает ясности в значимом для онтологии вопросе о происхождении мира. Трижды использованное выражение о творении «ex deo» в тексте всегда вводится как принадлежащие другому исследователю (Хайде), однако его раскрытие в исследовании отсутствует, а использование кажется отчасти противоречивым. В паре творение «не только ex nihilo, но и ex Deo» (с.13). — кажется, что предлог используется синонимично в обоих случаях, что вызывает недоумение, однако при вопросе о словоупотреблении прп. Максима мы видим, что ἐκ Θεοῦ (см. сноски 500 и 792), конечно, указывает на актора, а не на происхождение творения («...и бытие, и вид дарованы сущим от Бога (ἐκ Θεοῦ), если они, действительно, существуют» с. 114), таким образом выражение «не только ex nihilo, но и ex Deo», скорее сбивает фокус, чем настраивает его.

8. Панентеизм

Этот термин действительно может быть удачным для прояснения позиции прп. Максима, однако отсутствие его определения в работе, кроме недостаточного из-за своей общности («мир не есть Бог но важнейшие свойства, которыми обладают тварные сущие, – это Божественные атрибуты, общие для Творца и твари» с. 193), не позволяет до конца убедиться в этом, ведь данное определение подходит, кажется, для любой христианской метафизики. В чего отличие от более-менее разработанного теизма в целом?

Более четкое определение понятия и нахождение в источниках соответствующих ему построений были бы украшением работы.

9. «Космическая литургия»

Такая же ситуация с использованием этой метафоры и вообще понятия «космический», ставшего одним из центральных в максимоведении благодаря классической работе Х. фон Бальтазара. Оно оказало очевидно положительное влияние на исследования наследия преподобного, но сейчас нуждается скорее в верификации, чем в воспроизведении. Исследование понятия «космос» и его функционирования в текстах Исповедника, например, и сходные исследовательские процедуры, как кажется, сильно обогатили бы исследование. Также кажется упущением то, что наиболее содержательные фрагменты с этим образом (напр. «космический посредник» с.189 и вокруг), написаны со ссылками лишь на исследовательскую литературу.

Исследователь, конечно, вправе использовать образы и вообще не принадлежащую исследуемому автору терминологию, однако критерием удачности использования служит выявление сложных аспектов содержания исследуемого источника.

Некоторое сомнение вызывает отнесение вопроса о «космическом измерении приобщения и обожения»; его постановка из предложенной в работе оптики богословия XX века не кажется единственной возможной, в то время как именно реконструкция различных статусов космоса и онтологии их изменения именно в рамках исследования онтологии видится весьма продуктивной.

10. Богословие и сотериология

«движение... приобретает не только метафизический, но и ценностный сотериологический смысл» (с. 62) — поскольку есть все основания говорить о (нео)платонической сотериологии², вероятно, можно говорить про сотериологический смысл движения и в их системе координат;

² См., напр.: Adluri V. (ed.). Philosophy and salvation in Greek religion. Walter de Gruyter, 2013.

противопоставление метафизического и ценностного кажется не до конца продуманным.

«античная идея энергии приобретает у него новый, богословски насыщенный смысл» (с. 61) — кажется, эта и приведенная выше фраза, не являются терминологически выверенными, поскольку речь идет, как кажется, о новом функционировании понятия в измененном категориальном аппарате, в то время как в приведенной фразе подразумевается, как будто, нечто большее.

Вообще, использование понятия богословие и производных не всегда отличается в работе последовательностью.

11. Отдельные вопросы и замечания:

- Автор указывает, что «Размышляя о природе зла, Дионисий добавляет в триаду [СВД] “волю”» (с. 35). Возникает вопрос, не является ли выделение СВД до некоторой степени искусственным, учитывая, что у понятия воли также огромная традиция использования?

- Вызывает некоторое недоумение высказывание о том, что «различия между сущностью и энергиями Бога... будет сформулировано во время паламитских споров XIV в.» — не является ли оно лишней данью историографической традиции? (с. 106). Тот факт, что это различие стало предметом полемики в тот период, не позволяет говорить об его отсутствии до нее.

- Не кажется очевидной интерпретация приведенной на с. 122 цитаты из Ареопагитик как свидетельства об идее эманации, поскольку в ней речь идет не о творении (а оппозиция «Демииургический» - «эманатический» отсылает к этому), а как раз о «получении Блага по причастности Богу» (с. 122); приписывать же на основании одного традиционного сравнения с солнцем «необходимость» изливания и отсутствие воли у Единого кажется поспешным.

- Также можно отметить, что выражение «единоначалие в Отце» и «монархия Отца» (с. 160) являются небеспроблемными³.

В целом, хочется отметить, что украшением работы стал бы (и я надеюсь станет украшением будущей монографии) краткий словарь на основании источников и может быть какие-то схемы онтологии прп. Максима в ключевых терминах в их взаимоотношениях, помимо такой работы с СВД: сущность – ипостась – логос – воля – действие – отношение.

В рукописи присутствуют опечатки и стилистические шероховатости которые, надеюсь, будут исправлены при публикации текста, хотя вычитанность текста оставляет уже сейчас приятное впечатление. Некоторые из замеченных, для упрощения дальнейшей работы:

- напр., «ex nichilo» с. 13;

- на с. 35 неудачная фраза: «как мы видели у Кирилла Александрийского, Дионисий часто описывает», лучше «и у Кирилла»;

- повтор «о способностях души **способностях души**» на с. 29

- Skliris D. On the Road to Being: Saint Maximus the Confessor's Syn-odical Ontology, Alhambra, California: Sebastian Press, 2018 —запятая вместо сточки после названия в сн. 750

Вместе с тем, указанные замечания не носят системного характера и умаляют значимости диссертационного исследования. Их количество обусловлено главным образом желанием помочь автору в доработке рукописи до издания, которая тем не менее уже сейчас является законченным, целостным и значимым исследованием. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова.

³ Пашков П. А. Понятие «единоначалия» у свт. Григория Богослова: попытка осмысления // Nazianzēna Rossica. Святитель Григорий Богослов: Исследования и переводы. М., 2022. С. 77-91.

Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Сурков Иван Евгеньевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

Кандидат теологии,

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ, Управление стратегического развития;

ДОЦЕНТ, Кафедра систематического богословия и патрологии

Богословский факультет

Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

АНТОНОВ Николай Константинович

«__»_____2026г.

Контактные данные:

тел.: 7(9773131796), e-mail: nick961pstgu@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

5.11.1. Теоретическая теология (по исследовательскому направлению: православие)

Адрес места работы:

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б

Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Тел.: +74951145064*5156; e-mail: strateg@pstgu.ru

Подпись А.Н. Антонова удостоверяю